

Čejka, Mirek; Lamprecht, Arnošt

**K вопросу о славянском единстве в период прихода в Моравию
Константина и Мефодия**

In: *Magna Moravia : sborník k 1100. výročí příchodu byzantské mise na Moravu*. Vyd. 1. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1965, pp. 461-468

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/119657>

Access Date: 29. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

К ВОПРОСУ О СЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКОВОМ ЕДИНСТВЕ В ПЕРИОД ПРИХОДА В МОРАВИЮ КОНСТАНТИНА И МЕФОДИЯ

При решении вопроса о языковых отношениях периода существования Великоморавской державы часто случается, что разные исследователи по-разному понимают как степень и значение различий между славянскими языками, так и их сходство. Это обстоятельство ведет к несогласованности в терминологии. Дело в том, что одни говорят о славянских языках этого периода, а другие — о диалектах. Возникает, следовательно, потребность задуматься над тем, можно ли в IX веке в связи с миссией Константина и Мефодия говорить о выкристаллизованных уже славянских языках, или о праславянском языковом единстве, в диалектном отношении конечно уже дифференцированном.

Каковы же критерии, помогающие объяснить, когда можно говорить о самостоятельном языке, а когда о диалекте? Согласно Адольфу Келлеру на этот вопрос можно ответить, исходя из следующих трех положений¹:

1. Чаще всего в качестве определяющего критерия используется степень языкового родства. Под диалектом понимается точно географически выделенная часть соответствующего языкового целого, а под языком в таком случае понимается совокупность всех тех говоров, которые по степени языкового родства по отношению друг к другу гораздо ближе, чем к диалектам другого языка. Однако этот критерий становится не вполне достоверным при оценке границы между двумя родственными языками, как, например, чешский и словацкий, чешский и польский, сербский и македонский, белорусский и русский, и другие.

2. Следующим признаком разницы между языком и диалектом является степень взаимопонимания. Общим языком считается речь людей, которые хорошо друг друга понимают. Не может быть никакого сомнения, что это очень важный признак, в полной силе проявляющийся на сравнительно небольшой территории. Однако этот критерий становится мало применительным к территориально обширным пространствам, к таким, где, например, пользуются немецким, арабским или китайским языками, так как носители отдаленных диалектов либо с трудом понимают друг друга, либо не понимают друг друга вообще. Переход от диалектов взаимно понятных к диалектам взаимно непонятным происходит постепенно, и в данном случае невозможно точно определить его границу. Для близких родственных языков, таких как чешский и словацкий, русский и белорусский и др., этот критерий также трудно применить, так как говорящие на этих языках очень хорошо понимают друг друга.

3. Третьим, относительно точным критерием является степень функционирования языковой структуры с точки зрения ее общественного

диапазона. Язык является единым для всех членов определенного языкового сообщества; им пользуются как средством для взаимной коммуникации во всех областях деятельности людей. Поле деятельности говорцов, наоборот, является более ограниченным, более узким. Вытекает это из того, что диалект выполняет роль средства взаимопонимания только у определенной части народа и только в бытовой речи. Это суждение дает право считать, что „язык“ в таком случае есть понятие более общее, а „диалект“ — подчиненное. Однако для характеристики периода без письменных памятников, без четко определившихся литературных языков этот, третий, критерий недостаточен. Необходимо, поэтому, давая характеристику ранних периодов истории языков, опираться на первые два критерия.

Что касается степени языкового родства в IX веке, то в данном случае можно говорить о праславянском единстве. Утверждая, что праславянский язык существовал еще вплоть до X века, необходимо брать во внимание мнение авторов, что речь идет о праславянском языке позднего периода, языке до некоторой степени идиалектном отношении дифференцированном, но содержащем в себе основные черты ранней праславянской языковой структуры. Необходимо, однако, праславянский язык позднего периода отличать от праславянского языка раннего периода, начало которого характеризуется делябиализацией гласных, их разделением на группы гласных переднего и заднего тембра и другими, вытекающими отсюда изменениями (палатализация). Возникновение новых лабиализованных гласных и, главным образом, развитие групп *tort*, *tolt* является началом новой фазы развития праславянского языка, конец которой характеризуется постепенным исчезновением редуцированных гласных (ъ, ъ) и носовых гласных на большей части территории. До тех пор, пока во всех славянских диалектах существовали редуцированные гласные, носовые гласные и в полной силе был закон открытого слога, продолжал существовать, согласно нашему мнению, и праславянский период. В IX веке именно так все и выглядело. Грамматический строй тогда еще был почти общий и словарный состав мало чем отличался. Все это подтверждается глоттохронологическими исследованиями.

О степени полного взаимопонимания свидетельствуют факты чисто исторического характера. Жители Великой Моравы очень хорошо понимали язык Константина и Мефодия. Об этом свидетельствуют тогдашние и более поздние источники². Далее в источниках XII века еще живо отражено сознание славянского языкового единства. В Повести временных лет можно, например, прочитать³: „БЪ ЕДИНЪ ЯЗЫКЪ СЛОВЪНЕСКЪ: СЛОВЪНИ, ИЖЕ СЪДЯХУ ПО ДУНАЕВИ, ИХ ЖЕ ПРИЯША УГРИ, И МОРАВА, И ЧЕСИ, И ЛЯХОВЕ, И ПОЛЯНЕ, ЯЖЕ НЫНЪ ЗОВОМАЯ РУСЬ. СИМЪ БО ПЕРВОЕ ПРЕЛОЖЕНЫ КНИГИ, МОРАВЪ, ЯЖЕ ПРОЗВАСЯ ГРАМОТА СЛОВЪНСКАЯ, ЯЖЕ ГРАМОТА ЕСТЬ В РУСИ И В БОЛГАРЪХ ДУНАЙСКИХЪ.“ (стр. 21), „А СЛОВЕНСКИЙ ЯЗЫКЪ И РУСКЪЙ ОДНО ЕСТЬ, ОТ ВАРЯГЪ БО ПРОЗВАШАСЯ РУСЬЮ, А ПЕРВОЕ БЪША СЛОВЕНЕ; АЩЕ И ПОЛЯНЕ ЗВАХУСЯ, НО СЛОВЕНСКАА РЪЧЬ БЪ. ПОЛЯМИ ЖЕ ПРОЗВАНИ БЫШИ, ЗАНЕ В ПОЛИ СЪДЯХУ, А ЯЗЫК СЛОВЕНСКИ ЕДИНЪ.“ (стр. 23).

Наряду с приведенными выше критериями к характеристике состояния языковых отношений IX века можно применить и третий критерий,

а именно — существование общего литературного славянского языка. Стал им старославянский язык, в основу которого лег болгаро-македонский говор, принесенный в Моравию Константином и Мефодием. Отсюда, из Моравии, старославянский язык потом распространился на большую часть славянской территории. Согласно Ф. В. Марешу⁴ старославянский язык IX—XI вв. является литературной формой славянских нелитературных разговорных диалектов. У нас эта форма считалась за „свои языкъ“. Было это, следовательно, литературное, причем живое, подобие местного языка. Напротив, более поздний церковнославянский язык Мареш считает традиционным (а следовательно и неживым) литературным подобием нелитературных славянских разговорных языков и говоров (примерно до XVI века); новая форма церковнославянского языка (период с XVII до XVIII в.) согласно Марешу является мертвым языком, которым пользуются в качестве *lingua sacra* в сфере уже существующих развитых и самостоятельных славянских языков. Итак, языковые и другие факты подтверждают, что в IX веке на славянской территории еще продолжало существовать праславянское языковое единство.

А теперь подробнее остановимся на отдельных явлениях. С точки зрения фонологической системы ее основная перестройка, вызванная ликвидацией редуцированных гласных (ъ и ь) и разным развитием носовых гласных на славянской территории, является несомненным переломным моментом разложения праславянского языка. Ликвидация редуцированных гласных (ъ и ь) указывает на конец существования праславянской тенденции к открытому слогу. Вокализация редуцированных гласных совместно с ликвидацией носовых гласных, стяжением и диспалатализацией ('e > 'a, 'e > 'o), появляющимися в разных частях славянской территории, обусловливают возникновение корреляции мягкости — примерно такого вида, какой характерен для корреляции мягкости в современном русском языке — и изоглоссой, имеющей большое структуральное значение, отделяют, таким образом, славянский север от славянского юга. В западной части славянской территории в X веке наблюдается ликвидация редуцированных гласных, впрочем, так же, как и стяжение гласных, предшествовавшее ликвидации редуцированных гласных (ъ, ь). В восточной части славянской территории этот процесс происходит на полтора века позднее, а в северных частях — даже на два века. Напротив, исчезновение носовых гласных в восточных частях славянской территории наступило раньше, т. е. уже в середине X века, в то время как в чехословацкой и лужицкой группах — только в конце X века. К началу X века, или точнее к периоду на рубеже IX и X вв., можно отнести и процесс польской диспалатализации ('e > 'a, 'e > 'o). Принимая во внимание все эти изменения в целом, и особенно их результаты, а именно корреляцию мягкости согласных, X век необходимо считать исключительно важным переломным моментом в развитии фонологической системы, а отделение славянского севера от славянского юга — следует считать веским доказательством процесса славянской дифференциации. Разница в осуществлении отдельных явлений (различные чередования вместо редуцированных гласных, диспалатализация и сохранение или несохранение носовых гласных) свидетельствует в таком случае о том, что речь идет одновременно не только о начале следующей, очень великой дифференциации славянской языковой территории,

но и о начале самостоятельного развития, если не отдельных славянских языков, то по крайней мере их определенных групп (чехословацкой, лужицкой, восточнославянской и т. д.). Дифференциальные явления раннего периода имеют, принимая во внимание явления X века, или менее выразительный характер, или речь идет об уже отживающих общих праславянских тенденциях. С точки зрения фонологической структуры менее значительны древние изоглоссы *kv, gv // cv, dzv — tl, dl // l — š // s' — šč // s'c'*, положенные в основу отделения западнославянских языков от восточных и южнославянских языков. Они, конечно, имеют характер незначительных диалектных различий. Однако также мало значительны и морфологические различия между славянским югом и севером (твор. пад. ед. ч. *-омь, -емь // // -ѣтъ, -ѣтъ*; причастие *nesy // nesa*); к ним позднее присоединилась еще одна изоглосса в форме так называемого третьего *ě* вместо носового гласного *ę* (*dušę // dušě*).

Более важными являются различия, происшедшие в чередованиях вместо первоначальных сочетаний *tort, tolt, tert, telt*. Однако в данном случае речь идет об общеславянской тенденции к открытому слогу, которая, естественно, по-разному проявлялась в разных славянских диалектах.

Утрата редуцированных гласных *ъ, ь, носовых гласных, диспалатализация ('e > 'a, 'e > 'o)* свидетельствуют о конце общеславянского периода и начале самостоятельного развития отдельных славянских языковых групп. Следовательно эти явления не могут быть доказательством окончательного выделения самостоятельных языков. Взять к примеру западнославянские языки. Изменения, имевшие место в X веке, без сомнения являлись очень важными, но тем не менее в других исторических условиях их могли бы принять за изменения диалектного характера. Однако потому, что X век одновременно был периодом возникновения новых феодальных формаций, укрепляющихся в ходе истории, эти изменения были только началом следующей славянской языковой дифференциации. Процесс дифференциации между чехословацкой и польской группами заканчивается в основном в XIV веке (утрата корреляции мягкости в чешском и словацком языках); правда, одно основное изменение, а именно утрата долготы гласных в польском языке, относится к периоду между XV и XVI вв.

При характеристике взаимных отношений между языками нельзя ограничиваться только фонологической стороной языка, необходимо обращать внимание и на морфологию, так как случалось, что явлениям фонологического характера часто придавалось слишком много значения. Переломным моментом в развитии морфологии не был ни X и ни XI век, если, конечно, не принимать во внимание результаты фонологических изменений в морфологии. Наиболее важным переломным моментом в данном случае считается период XIV—XV вв., т. е. период, когда в западной части славянской территории происходит довольно быстрая перестройка системы спряжения и утрата простых форм прошедшего времени (аориста и имперфекта) в чешском, словацком и польском языках. К XV веку также относится одна из наиболее важных морфологических изоглосс словацкого языка, а именно распространенное употребление окончания *-m* во всех глагольных типах (следовательно *dělám, umiem*, как в чешском языке, но и *nesiem, beriem, miniem*). Утрата простых форм прошедшего времени в чешском, словацком и польском языках привела к тому, что эти языки отделились от лу-

жидких языков, в которых простые формы прошедшего времени остались в качестве периферийных славянских архаизмов (может быть, что в данном случае этому способствовало, кроме известной изолированности обоих языков, и существование простой формы прошедшего времени в немецком языке). Следовательно, с точки зрения системы конъюгации переломным моментом различия между лужицким языком и другими языками западно-славянской группы является XV век. Необходимо также синтетизацию прошедшего времени в польском языке (*bytem*) датировать периодом до XV—XVI вв.

Развитие в области склонения существительных имело сравнительно замедленный характер (например, склонение существительных с *o*-основой постепенно сливалось со склонением существительных *u*-основ, создавая, таким образом, один тип склонения). Относительно быстрый процесс в данной области можно наблюдать только в XV веке и особенно во второй половине XVI века. Именно в этот период, в результате проникновения во все типы склонения одушевленных существительных падежной формы родительного-винительного, заканчивается процесс формирования категории одушевленности у существительных мужского рода единственного числа. Новая категория одушевленности начала проявляться и во множественном числе. Об этом свидетельствует возникновение падежной формы винительный-именительный (*sady* вместо *sadi*, *potoky* вместо *potoci*). В чешском языке это изменение произошло только на рубеже XVI—XVII вв. В польском языке проникновение падежной формы винительный-именительный во множественное число существительных началось еще в период неполной победы падежной формы родительный-винительный в единственном числе существительных, т. е. в период, когда эта форма была характерна только для личных существительных, а у остальных одушевленных в области склонения наблюдалось некоторое колебание. Вследствие этого в польском языке возникает категория персональности. В этот же период возникала категория персональности, правда, не в такой полне определенной форме, как в польском языке, и в словацком. Период XVI и XVII вв., а по всей вероятности еще и период XVIII века характеризуются тенденцией унификации в области склонения (обобщение окончаний множ. числа, сравни разговорное чешское *-ama* в творитель. пад. мн. ч., относящееся к очень позднему периоду; или польские *-om*, *-ach*, *-ami*, возникновение которых относится к XV веку; словацкий творительный *-mi* или *-ami*; отчасти и унификация единственного числа, сравни распространение окончаний *-i*, *-u* в форме родитель. пад. ед. ч. существительных *ja*-основ в польском языке и т. д.). Из всего сказанного ясно, что славянские языки западной группы развивались в основном одинаково; что касается возникших незначительных различий между ними, то они относятся не раньше, чем к XVI веку. Как правило, различия подобного характера относятся к периоду XVII века (категория персональности), а некоторые незначительные изменения, может быть, и к XVIII веку (например окончания *-ama* в чешском языке).

К более позднему периоду относятся и процессы дифференциации в области морфологии на территории восточных славян. К более раннему периоду относятся подобные процессы, происходящие на территории южных славян, где различия морфологического характера стано-

вятся результатом отделения в течение XII—XIV вв. болгаро-македонской группы от сербохорватской. Однако и эти явления датируются в общем значительно более поздним периодом, чем X век.

Из приведенного обзора морфологической системы ясно следующее: морфологическая дифференция в IX и X вв. была незначительной, и, следовательно, что касается морфологической стороны, налицо было общеславянское единство. Это суждение подтверждают и результаты глоттохронологии. Метод этот основывается на предположении, что ядро словарного запаса каждого языка относительно постоянно и изменяется сравнительно медленно. Статистика доказала, что этот процесс во всех языках происходит приблизительно одинаковым образом (из 100 слов словарного ядра за 1000 лет другими словами заменяется примерно 14 % слов, составляющих это ядро, в то время как 86 % слов остаются без изменения)⁵.

Сравнение пар славянских языков, относящихся к разным славянским языковым группам, при помощи глоттохронологического метода доказывает, что основное разложение общеславянского языкового единства началось примерно в X веке. Об этом свидетельствуют данные для следующих языковых пар: чешский — болгарский, словацкий — болгарский, польский — болгарский, русский — болгарский, русский — словенский, украинский — сербохорватский, украинский — верхне-лужицкий, русский — верхне-лужицкий (932 г.); чешский — украинский, ниже-лужицкий — украинский, ниже-лужицкий — русский, ниже-лужицкий — сербохорватский, белорусский — словенский (978 г.). К началу XI века относятся такие пары языков, как: чешский — русский, словацкий — русский (1023 г.); польский — сербохорватский, верхне-лужицкий — сербохорватский, ниже-лужицкий — словенский (1068 г.). Кроме этой основной группы языковых пар, VIII веком датируются: украинский — словенский (742 г.), ниже-лужицкий — болгарский (790 г.); IX веком: русский — сербохорватский (838 г.) и верхне-лужицкий — болгарский, украинский — болгарский (886 г.). Более поздними датами — XII и XIII веками — датируются: верхне-лужицкий — белорусский, словацкий — украинский, польский — украинский, польский — русский, белорусский — сербохорватский, белорусский — болгарский, верхне-лужицкий — словенский (1112 г.); чешский — белорусский, ниже-лужицкий — белорусский, словацкий — словенский, польский — словенский (1156 г.); чешский — сербохорватский, словацкий — сербохорватский (1199 г.); чешский — словенский, словацкий — белорусский, белорусский — польский (1283 г.).

Все приведенные выше даты имеют статистический характер, а потому, используя их, необходимо считаться с отклонениями ± 217 лет для наиболее ранних, ± 157 лет для наиболее поздних дат. Почти все приведенные даты с соответствующими отклонениями перекрещиваются в X—XI веках. Таким образом лексикостатистические исследования показывают, что основной процесс дифференциации в общеславянском языке необходимо отнести в периоду более позднему, чем период до IX века (главным образом, к периоду до X и XI веков).

Следовательно, нельзя говорить о самостоятельных языках на славянской территории до X века ни на основании первого критерия (т. е. с точки зрения степени родства), ни на основании второго критерия (т. е. с точки зрения взаимопонимания). Точно так же применение третьего критерия

(т. е. распространение общего литературного языка) ведет в конце концов к заключению, что, если в IX веке один литературный язык мог выполнять роль общего литературного языка для западных, восточных и южных славян, предположение о существовании коренной дифференциации общеславянского языка не является обоснованным; различия фонологического, морфологического и лексического порядка тогда скорее имели характер различий диалектных, более того, можно сказать, что эти различия были менее значительны, чем нынешние диалектные различия внутри отдельных славянских языков. Наглядно доказать это мы можем на примере диалектов чешского языка. Чешское литературное предложение „*byl za vesnicí u vody a chytal ryby*“ („он был за деревней на реке и ловил рыбу“) на диалекте центральной полосы Чехии звучит „*bil za fsí u vodi a chital ribi*“, на диалекте центральной Моравии на севере от города Брно — „*bel za d'edínó ho vude a chetal rebe*“. Если бы подобные различия существовали в IX веке, оба выражения определено бы были рассмотрены языковедами как доказательство наличия двух совершенно разных языков.

Из сказанного можно сделать следующее методологическое заключение: нельзя превышать значение незначительных различий между славянскими диалектами IX века; это в свою очередь подтверждает нашу мысль о существовании общеславянского единства в период кирилло-мефодиевской миссии.

ЗАМЕЧАНИЯ

¹ Adolf Kellner, *Úvod do dialektologie*, Praha 1954, str. 10 n.

² См. цитаты в статье Ф. В. Мареша: *Древнеславянский литературный язык в Великоморавском государстве*, ВЯ 10, 1961, вып. 2, стр. 14—15.

³ *Повесть временных лет*, часть первая, текст и перевод. Подготовка текста Д. С. Лихачева, перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц, Москва—Ленинград 1950, стр. 21, 23.

⁴ Ф. В. Мареш, лекция о периодизации старославянского языка, прочитанная в Брненском обществе по языкознанию в декабре 1963 г.; далее сравни F. V. Mareš, *Česká redakce církevní slovanštiny v světle Beséd Rehoře Velikého*, Slavia XXXII, 1963, č. 3, str. 417—451; F. V. Mareš, *Vznik slovanského fonologického systému a jeho vývoj do konce období slovanské jazykové jednoty*, Slavia XXV, 1956, č. 4, str. 443—495; Ф. В. Мареш, *Древнеславянский литературный язык в Великоморавском государстве*, ВЯ 10, 1961 г., вып. 2, стр. 12—23; Josef Kurz, *Církevně-slovanský jazyk jako mezinárodní kulturní (literární) jazyk Slovanstva, Československé přednášky pro IV. mezinárodní kongres slavistů v Moskvě*, Praha 1958, str. 13—35; Josef Kurz, *Význam činnosti slovanských apoštolů Cyrila a Metoděje v dějinách slovanské kultury*, Slavia XXXII, 1963, č. 3, str. 309—426; Bohuslav Havránek, *Počátky slovanského písma a psané literatury v době velkomoravské*, sborník Velká Morava (Tisíciletá tradice státu a kultury), Praha 1963, str. 77—96; Radoslav Večerka, *Velkomoravská literatura v přemyslovských Čechách*, Slavia XXXII, 1963, č. 3, str. 398—416; Miloš Weingart, *Československý typ církevní slovanštiny*, Bratislava 1949; Antonín Dostál, *Několik úvah o praslovanštině*, sborník Studia linguistica in honorem Thaddaei Lehr-Splawiński, Warszawa 1963, str. 71—79; Antonín Dostál, *Staroslověnský jazyk, jeho strukturální charakteristika a lokální typy*, Československé přednášky pro V. mezinárodní sjezd slavistů v Sofii, Praha 1963, str. 11—28.

⁵ Подробнее сравни: Mirek Češka — Arnošt Lamprecht, *K otázce vzniku a diferenciacie slovanských jazyků*, SPFFB U A 11, 1963, str. 5—20.

K OTÁZCE SLOVANSKÉ JAZYKOVÉ JEDNOTY V DOBĚ PŘÍCHODU KONSTANTINA A METODĚJE NA MORAVU

Resumé

Autoři ve své stati dokazují, že v době příchodu Konstantina a Metoděje na Moravu ještě existovala praslovanská jednota, i když byla nářečně již mírně diferencována. Svědčí o tom fakta z vývoje fonologického i morfologického systému a podporují tento názor i výsledky zkoumání glottochronologického. Významně doplňuje tato fakta i ta okolnost, že staroslověnský jazyk na Moravě a později i u jiných Slovanů se stal živou literární podobou domácího jazyka. Drobné difference, ponějvíce fonetického a slovníkového charakteru, byly v IX. století mnohem menší než nynější rozdíly mezi dialekty téhož slovanského jazyka, a nelze je proto z metodologického hlediska přeceňovat.